

Глава 5 ЮГ ГОРНОЙ ОБЛАСТИ ПЕРУ И БОЛИВИЙСКОЕ ПЛОСКОГОРЬЕ В СЕРЕДИНЕ II ТЫС. ДО Н.Э. — НАЧАЛЕ II ТЫС. Н.Э.

Потенциал развития юга горного Перу и Боливии был выше, чем в долинах Южного побережья, однако эта область сильно зависит от колебаний климата. К северо-западу и югу от озера Титикака первые небольшие здания и ритуальные участки общественно-культурного назначения появляются лишь в конце II тыс. до н.э., т.е. на 2 тыс. лет позже, чем на севере перуанского побережья. Ранее середины II тыс. до н.э. на Боливийском плоскогорье господствовали аридные условия, уровень озера Титикака был на 20, 50, а возможно, даже на 100 м ниже современного (рис. 37 лев.), и земледельче-

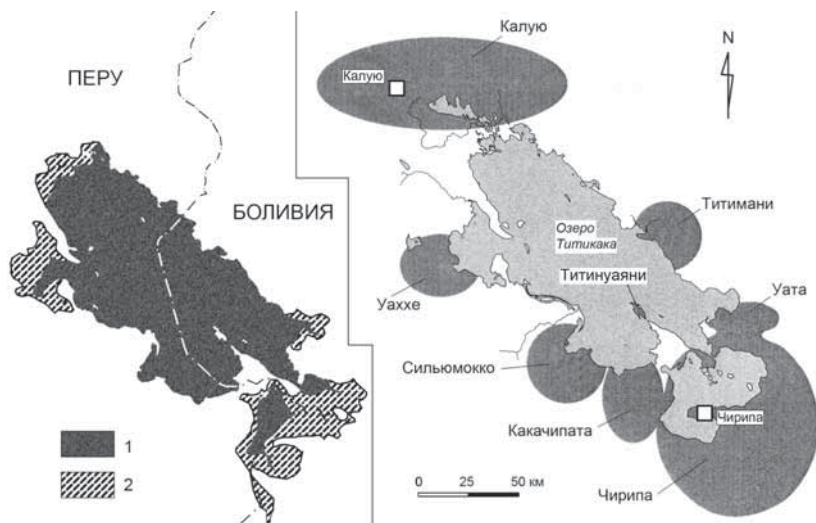

Рис. 37.

Слева: изменение береговой линии оз. Титикака, по [Richardson 1994: 99]; 1) примерная акватория 2000 до н.э.; 2) современная акватория.

Справа: расположение вождеств в бассейне оз. Титикака в начале нашей эры, в период доминирования политики со столицей в Пукаре, по [Stanish 2003, fig. 1.3]

ский потенциал ареала крайне низок [Craig 2011: 371; Kolata 2000: 168–169; Ortloff, Moseley 2009: 279].

К середине I тыс. до н.э. сооружения общественно-культурного назначения в бассейне Титикаки приобретают монументальность, свидетельствуя о возникновении объединений уровня сложных вождеств (рис. 37 прав.) [Cohen 2010: 302–306; Hastorf 2008: 548–553; Stanish 2001; 2003: 4–10].

К началу II в. до н.э. к северо-западу от озера Титикака возвысилась Пукара, а близ юго-восточного побережья — Тиуанако [Couture 2002: 311–318]. Борьба за лидерство иногда носила характер истребительных войн, о чем есть археологические свидетельства [Stanish, Levine 2012]. Пукара вплоть до ее падения в III в. н.э. оставалась крупнейшим наряду с Гальинасо в долине Виру политическим образованием Центральных Анд (рис. 38). Произошла ли

Рис. 38. Расположение вождеств в бассейне оз. Титикака в начале нашей эры, в период доминирования политики со столицей в Пукаре, по [Stanish 2003, fig. 1.4]

гибель Пукары в ходе военного столкновения с Тиауанако, неизвестно. Площадь городища Пукары достигает 1,5 кв. км [Cohen 2010: 64], а крупнейшая из платформ из обработанного камня и щебня имеет размеры 300×200×32 м [Mujica 1990: 161]. Правда, часть этого объема, как и в Кауачи, занимает естественное возвышение. Относительно плотности застройки сведений нет. Население наверняка измерялось тысячами, но превышало ли оно 5 и тем более 10 тыс., сказать трудно.

Для культуры Боливийского плоскогорья конца I тыс. до н.э. — начала I тыс. н.э. характерны каменная архитектура и скульптура (в том числе в виде мифических персонажей, держащих в руках головы-трофеи), а также полихромная керамика и ткани-келимы с изображениями мифических существ. В горных районах ткани не сохранились, но они известны по находкам из погребений на засушливом побережье. Крупных золотых изделий этого времени не найдено. Системы поселений изучены недостаточно, но три иерархических уровня, вероятно, были.

Начиная со второй половины II тыс. до н.э. в культурах бассейна Титикаки важнейшим элементом планировки общественно-культовых сооружений являлась площадь, углубленная ниже уровня окружающей поверхности (рис. 39). В отличие от северного Перу III — середины I тыс. до н.э., она здесь не круглая, а прямоугольная. Судя по обилию фрагментов кухонной и столовой посуды, эти участки предназначались для пиршеств, вероятно, связанных с почитанием предков, чьи могилы были расположены здесь же [Bergman 2010: 69–77; Couture 2002: 312]. В Центральных Андах общественные пиршества оставались важнейшим инструментом формирования социополитических общностей вплоть до прихода испанцев [Bergman 2010; Bray 2008b].

Около 600 н.э. на месте политий разного масштаба в пределах центральных и южных районов Перу и северо-запада Боливии возникают два государства — Уари и Тиауанако. Свойственный им обоим стиль искусства связан с только что упоминавшейся культурой пукара и испытал влияние наски, но его точное происхождение не определено. Государство Мочика возникло на два–три века раньше и некоторое влияние на процессы политогенеза в горных районах Центральных Анд оказать могло. Так, в искусстве культуры наска на ее позднем этапе в подражание мочикским образцам появились сюжетные сцены с участием людей (рис. 40) [Proulx 1994].

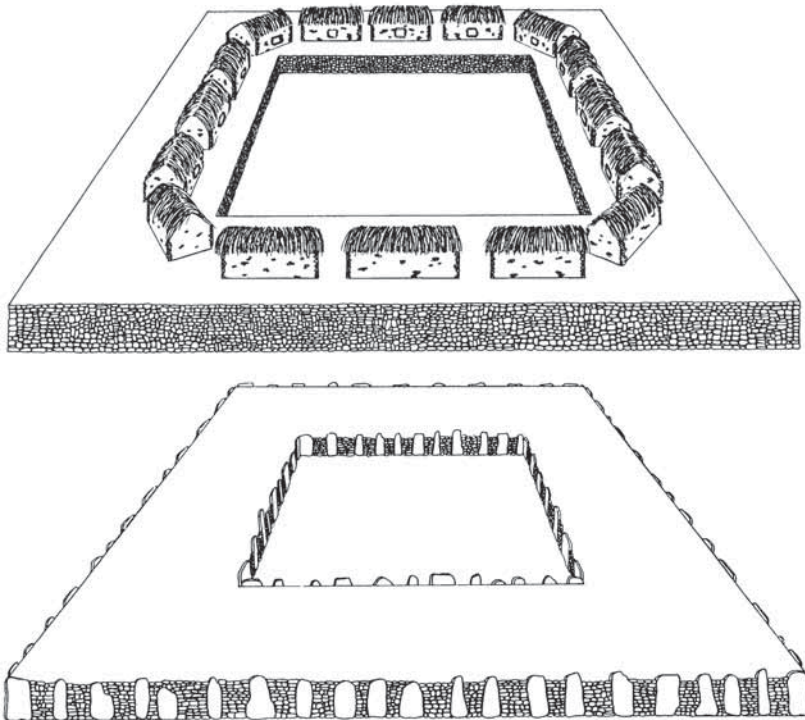

Рис. 39. Идеализированная реконструкция углубленной площади в Чирипе у южного берега оз. Титикака.

Вверху: времени существования крупного вождества с центром в Чирипе в VII—I вв. до н.э.

Внизу: периода возвышения Тиауанако, когда Чирипа, видимо, стала провинциальным административным центром. В это время платформа была обрамлена каменными блоками весом до 4,5 т, по [Browman 1998, fig. 4, 5]

Прямых данных о такого рода влиянии на горные области нет, но наска с районом Аякучо была, как только что отмечалось, тесно связана. Кроме того, только в мочика, с одной стороны, и в уари и тиауанако — с другой, представлена традиция натуралистического скульптурного портрета — керамические сосуды в виде голов и фигур людей (рис. 41) [Donnan 2001; Korpisaari, Pärssinen 2011: 113–124]. Ничего похожего в других культурах Америки нет. В мочика эта традиция возникла раньше.

Рис. 40.

- 1) Изображение мифического персонажа, традиционное для позднего этапа культуры наска. Оно состоит из элементов, почти до неузнаваемости деформированных по сравнению с ранними прототипами, по [Proulx 2006, fig. 5.19].
- 2) Казнимый пленник и стервятники, роспись на сосуде мочика, по [Kutscher 1983, Abb. 121].
- 3) Изображение поединка на сосуде наска, сюжетно и композиционно следующее образцам искусства мочика. Слева от пленника — обезглавленное тело, по [Proulx 1966, fig. 5.115].
- 4) Казнимый пленник и стервятники, роспись на сосуде поздней наски. Этот сюжет, вероятно, проник на юг побережья Перу под влиянием культуры мочика, по [Proulx 1994, fig. 14; Reid, Jiménez Borja 1986: 166]. См. также рис. 54.4 и 62.8

Основная территория Тиауанако ограничивалась районом к юго-востоку от оз. Титикака, составляя 2–3 тыс. кв. км. Это примерно соответствует территории других первичных государств Нового Света — Монте-Альбана в мексиканской Оахаке [Feinman et al. 1985: 344; Marcus 2008: 74, 87] и той же Мочики. Все крупные поселения (т.е. административные центры второго порядка) расположены не далее 75 км от столицы. Столица находилась на высоте 3840 м над уровнем моря и была отделена от озера Титикака холмистой грядой.

Рис. 41. Портретные сосуды мочика, V в. н.э., по [Donnan 2001: 126], и тиаянако, VIII в. н.э., по [Korpisaari, Pärssinen 2011, fig. 21]

Главное монументальное сооружение в Тиаянако, Акапана, сильно повреждено грабительскими раскопками, так что его первоначальный облик реконструируется лишь в общих чертах (рис. 42.1, 2). Ясно, что общественно-культурная архитектура продолжала местные традиции, восходящие как минимум ко II тыс. до н.э. Акапана имела форму ступенчатой платформы размером 205×185×16,5 м и частично была сложена из циклопических обработанных каменных блоков. Рядом находился огражденный двухметровой каменной стеной комплекс Каласасая со знаменитыми Воротами Солнца и прямоугольный двор, углубленный ниже окружающей поверхности. На вершине Акапаны обнаружены жилые дома, очевидно, предназначенные для высшей элиты. Углубление 45×45 м могло служить просто для сбора дождевой воды [Manzanilla, Woodard 1990: 134–138], однако более вероятно, что оно имело символическое значение. На небольшой каменной стеле из Тиаянако представлена та же космологическая схема, которую отражает план Акапаны (рис. 42.5).

Предметы с изображениями в стиле тиаянако найдены в нескольких районах на юге Перу, севере Чили и в долине Кочабамба на восточных склонах боливийских Анд. Эти находки свидетельствуют о разных процессах. В долине Осморе на побережье Перу найден общественно-культурный центр Тиаянако (рис. 42.6)

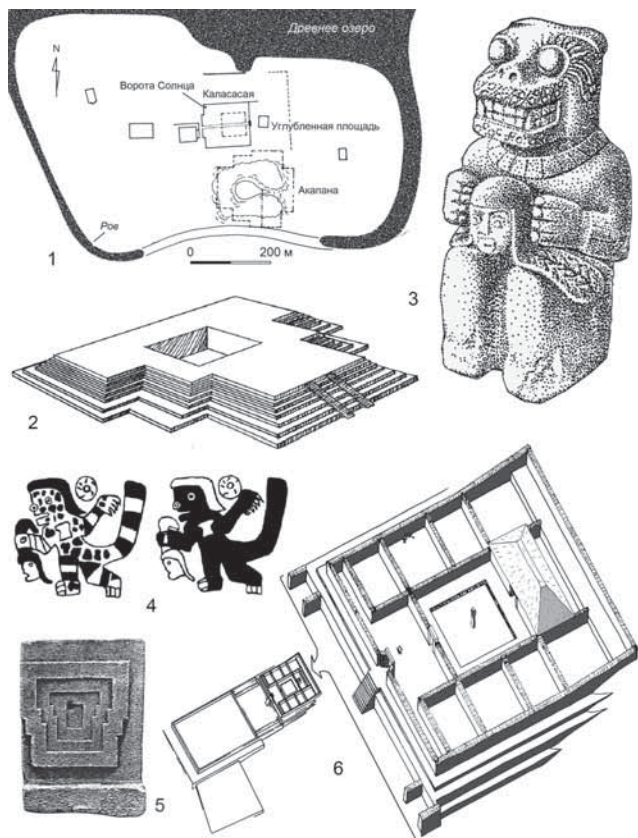

Рис. 42. Культура тиауанако.

- 1) Схема расположения монументальных объектов в центре Тиауанако, по [Proulx 1983: 106; Ishida 1960: 337].
- 2) Примерная реконструкция Акапаны, по [Smith 2012: 11].
- 3) Найденная при раскопках Акапаны базальтовая статуя человека-пумы с головой-трофеем в руках, по [Manzanilla, Woodard 1990, fig. 14].
- 4) Детали изображения на сосудах позднего этапа культуры тиауанако из святилища на острове Парити: человек-пума и человек-ягуар с головой-трофеем в руке, по [Smith 2012: 42; Villanueva 2007, fig. 7].
- 5) Каменная плита с городища Тиауанако, рельеф на которой напоминает план Акапаны, по [Kolata, Ponce Sangines 1992, fig. 14].
- 6) Общественно-культурное сооружение площадью 120×43 м в Омо — колонии Тиауанако на крайнем юге побережья Перу, в долине Осморе близ г. Арекипы, по [Goldstein 1993, fig. 9]

[Goldstein 1993], а изучение черепов из погребений показало, что более позднее население этого района является потомками колонистов с Боливийского плоскогорья [Sutter 2000]. Вместе с тем на культуру местного населения долины Осморе Тиауанако не оказало влияния. К тому же выше по течению реки находился Серро-Бауль — форпост государства Уари, который мог при желании блокировать связи между «колонией» Тиауанако и его метрополией в горной Боливии. Что касается долины Кочабамбы, то там получила распространение керамика тиауанако и найдены изделия из золота [Berenguer 2000: 72–73], но ни генетического следа горцев, ни построек в стиле тиауанако обнаружить не удалось [Isbell 2008: 739–740].

Наиболее интересные данные получены из оазиса Сан-Педро-де-Атакама, расположенного на высоте 2430 м над уровнем моря в северном Чили близ границы с Боливией, в 800 км к югу от Тиауанако. В местном могильнике найдены сотни дощечек для галлюциногенного порошка, украшенных изображениями в стиле тиауанако [Torres 1987a; 1987b]. Датировка самых ранних дощечек III в. н.э. позволяет предполагать, что сам стиль тиауанако или по крайней мере некоторые важнейшие представленные в нем мифологические образы появились в Чили до своего распространения в районах, прилегающих к оз. Титикака [Isbell, Knobloch 2006: 316]. Исследование костного материала из погребений в Сан-Педро-де-Атакама показало, что ни один из захороненных не был родом из горной Боливии [Knudson 2007]. Поскольку с точки зрения демографии и экономики значение оазисов северного Чили ничтожно по сравнению с территорией вдоль южного берега Титикаки, распространение данных образов в Центральных Андах, скорее всего, было вызвано причинами, имеющими отношение к религии. Оно свидетельствует о приобщении элитарных групп к определенным культам и ритуальным практикам, но не о политической зависимости одних центров от других.

Этот вывод подтверждается сведениями о химическом составе найденных в Тиауанако и Сан-Педро-де-Атакама бронзовых топоров [Lechtman, Macfarlane 2005: 25–26]. В горной Боливии топоры делали из местной руды, а найденные в могильниках Сан-Педро-де-Атакама имеют не местное, а боливийское и реже южноперуанское происхождение. Привозили ли готовые изделия или руду, в точности сказать трудно, но первое вероятнее. Это значит, что культовое значение Сан-Педро-де-Атакама не было связано с ролью этого

района как центра добычи металла. Скорее обитатели Тиауанако готовы были расплачиваться дорогостоящими изделиями за нематериальные ценности. В одном из захоронений Сан-Педро-де-Атакама были найдены даже вещи из золота, в т.ч. три сосуда в стиле тиауанако [Lleras 2005: 29]. Подобные находки похожи не на плату местным вождям за лояльность, а на компенсацию религиозным авторитетам за право пользоваться их благосклонностью. О том, что в чилийской пустыне мог находиться сакральный центр, авторитет которого распространялся на огромную территорию, свидетельствуют и обнаруженные в Сан-Педро-де-Атакама погребения с предметами культуры агуада из северо-западной Аргентины [Ataliva 2000; Llagostera 1995].

Таким образом, политическое образование с центром в Тиауанако хотя и являлось достаточно мощным, назвать его империей невозможно. Влияние Тиауанако за пределами его основной территории к югу от оз. Титикака было основано на идеологических связях, а о связях экономических и политических пока трудно сказать что-то определенное.

Общество Уари по своей политической организации явно отличалось от общества Тиауанако. Столица и эпонимное поселение возникло неподалеку от современного Аякучо (рис. 43 верхн.; карта 13 на рис. 79). Ранее в долине Аякучо существовала культура уарпа. Крупнейшее поселение уарпа Ньявинпукио занимало господствующее положение на вершине холма (рис. 43 нижн.) и могло быть центром местного вождества, хотя трехуровневая иерархия поселений не прослеживается [Leoni 2006: 280; 2008]. Во второй половине VI в. н.э. лидерство от Ньявинпукио переходит к поселению Уари (рис. 44 верхн.). С ним было тесно связано расположенное ближе к Ньявинпукио поселение Кончопата (рис. 44 нижн.). Как Уари, так и Кончопата возникли еще на последнем этапе культуры уарпа. Площадь Кончопаты достигала 20–40 га, хотя сейчас культурные остатки сохранились лишь на площади 4 га, остальное уничтожено при строительных работах — памятник расположен на восточной окраине города Аякучо [Isbell 2008: 752; Pozzi-Escot 1985; 1991; Rios 1987: 11–12]. В Кончопате находился ремесленный и одновременно культовый центр, где делали огромные сосуды с полихромными изображениями (рис. 47). Подобные сосуды явно использовались на ритуальных пирах с участием высшей знати [Isbell, Knobloch 2006: 318; Sayre et al. 2012], после чего их разбивали и за-

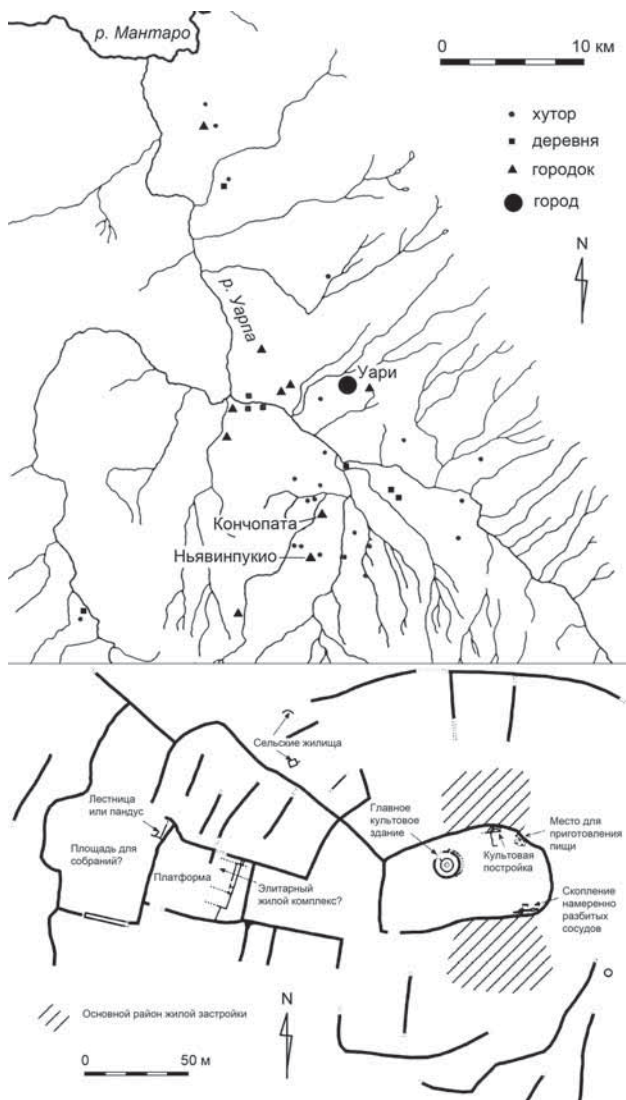

Рис. 43. Вверху: расположение поселений в долине Аякучо (бассейн реки Уарпа) в первые десятилетия после возвышения Уари, по [Schreiber 1992, fig. 3.4].

Внизу: план Ньявинпукио, крупнейшего поселения культуры уарпа в долине Аякучо, по [Leoni 2006, fig. 11.3]

хоранивали в специальных святилищах. Одно из них было обнаружено в 1977 г. при прокладке дороги [Cook 1985], другое — в 1942 г. в 40 м западнее [Isbell 1985: 97, 106, fig. 8]. Святилища подобного рода найдены и далеко за пределами долины Аякучо [Estrada 1969; Meddens 1981; Ravines 1966], являясь одним из свидетельств политической и идеологической экспансии Уари.

Город Уари площадью 3 кв. км был в 10 раз больше Кончопаты и частично застроен двухэтажными зданиями [Isbell 1988: 168; Milliken 2006: 26]. Нет сомнений, что социополитические системы уарпы и уари сильно различались, хотя столь же несомненна и преемственность между двумя культурами. Эта преемственность, прежде всего в области ритуальных практик, была выявлена лишь недавно [Leoni 2008], поскольку процесс изменений шел очень быстро. В долине Аякучо на формирование соответствующих государству властных институтов потребовались десятилетия, а не столетия. Правители Уари установили контроль над окружающей долиной, а вскоре затем и над большей частью Центральных Анд. Вне зоны влияния Уари остался лишь крайний юг, который контролировало Тиауанако. На севере побережья Перу политические образования, связанные с традициями культур мочика и гальинасо, свою независимость, скорее всего, сохранили, но найденные в этих районах памятники искусства VII–VIII вв. указывают на заимствование местной элитой элементов идеологии уари.

Свое присутствие в удаленных от столицы районах Центральных Анд Уари подкрепило строительством огромных административно-культовых комплексов. Об одном из них, Виракочапампа, уже говорилось (рис. 31), а о другом, Пикильякте, будет сказано ниже (рис. 48, 49). В пределах сферы влияния Уари наверняка оставалось множество общин и вожеств, сохранявших разную степень автономии. Степень и формы контроля Уари над долинами побережья крайне дискуссионны, характер взаимоотношений с местной элитой в Уамачуко и Кальехон-де-Уайлас тоже далек от ясности. Тем не менее ведущие исследователи готовы называть Уари империей [Isbell 2008; Nishizawa 2011]. Численность жителей в ее столице осторожно оценивается в 20–40 тыс., а в Тиауанако — в 10–15 тыс. человек [Isbell 2008: 748–750].

При всех различиях в размерах контролируемой территории и облике общественно-культовых сооружений, культуры уари и тиауанако имеют все же и много общего. Набор основных персонажей

Рис. 44.

Вверху: план Уари, по [Bonavía 1991, fig. 42].

Внизу: план раскопанного участка на городище Кончопата, по [Milliken 2006, fig. 2; Tung 2008, fig. 3]. Здесь еще до проведения регулярных раскопок были обнаружены скопления огромных полихромных сосудов ритуального назначения. Большие D-образные в плане комплексы имели ритуальное назначение, в одном из них обнаружены захоронения голов-трофеев

на их культовых изображениях одинаков. Судя по данным иконографии и археологии, некоторые ритуальные практики в обеих культурах, а именно охота за головами [Tung 2007; 2008] и употребление галлюциногенов [Isbell, Knobloch 2006; Knobloch 2000], совпадали с теми, которые были характерны для более ранних обществ Центральных Анд и для северо-западной Аргентины. Как и в Чавинде-Уантар, в Уари и Тиуанако представители элиты участвовали в обрядах, во время которых использовался сильнодействующий наркотик *Anadenanthera colubrina* (рис. 45), а дощечки для вдыхания галлюциногена изображены в руках персонажей, представленных на статуях и монументальных рельефах [Berenguer 1985].

Уари и Тиуанако начали распадаться после 900 н.э. [Covey 2003; 2009: 81–88; Stanish 2003: 13; Toohey 2009: 194]. Предполагается, что из-за засухи уровень озера Титикака после 1030 н.э. или около того стал падать, достигнув минимума к концу XIII в. — 12–17 м ниже, чем сейчас. В этом случае хозяйственная система Тиуанако, основанная на выращивании картофеля на расположенных в низинах грядковых полях, должна была рухнуть [Dillehay, Kolata 2004; Kolata 2000: 172–173; Ortloff, Moseley 2009: 282]. Однако предложены и другие сценарии. Согласно одному из них, город Тиуанако был покинут еще в X в., а серьезная засуха началась лишь во второй половине XIII в. [Arkush 2008: 359–361]. Если это так, то объяснение гибели Тиуанако влиянием климатических факторов ставится под сомнение. В то же время имеются данные в пользу сохранения элементов культуры тиуанако до конца XII в. [Korpisaari, Pärssinen 2011: 29, 170]. В этом случае прогрессирующее падение уровня Титикаки действительно может считаться главной причиной кризиса.

Однако гибель Уари объяснять изменениями климата в любом случае трудно. С уменьшением количества осадков и понижением среднегодовой температуры перемещение жителей из долин в высокогорье и переход от выращивания кукурузы к выращиванию морозостойчивых культур и скотоводству могли быть экономически оправданными. Однако видеть прямую причину разрыва с тысячелетней традицией в одной лишь хозяйственной целесообразности вряд ли стоит. Расчеты показывают, что для снабжения кукурузой города с 30 тыс. жителей, не занятых в сельскохозяйственном производстве, было достаточно 10–20 тыс. сельских жителей, которые обрабатывали 5–10 тыс. га сельскохозяйственных угодий [Isbell 1977: 10–11]. Учитывая размеры долины Аякучо, ее сельскохозяй-

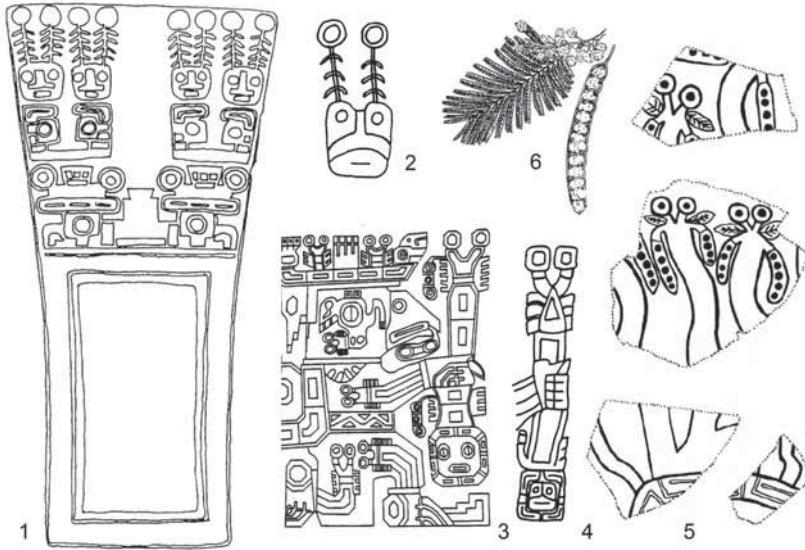

Рис. 45. Галлюциноген *Anadenanthera colubrina* в искусстве уари и тиауанако.

1, 2) Дощечка для вдыхания наркотического порошка и прорисовка черепо-видной личины с отростками с еще одной дощечки того же типа, по [Knobloch 2000, fig. 5b; Torres 1986, fig. 3]. Отростки изображают цветы *Anadenanthera colubrina*. Остатки порошка на поверхности похожего предмета из погребения близ границы Боливии с Аргентиной надежно идентифицированы как *Anadenanthera colubrina* [Pochettino et al. 1999].

3, 4) Прорисовка изображения на ткани культуры уари с профильным изображением мифического существа, держащего в руке жезл, а также фрагмент другого подобного изображения на дощечке для вдыхания наркотического порошка. Жезл в руке персонажа заканчивается сверху цветами *Anadenanthera colubrina*, а снизу — головой-трофеем, по [Knobloch 2000, fig. 4, 5a].

5) Фрагменты большой керамической урны из Кончопаты с изображением *Anadenanthera colubrina*, по [Isbell, Knobloch 2006, fig. 12.3].

6) Лист, цветы и стручок *Anadenanthera colubrina*, по [Knobloch 2000, fig. 3]

ственный потенциал был намного выше, так что его сокращение не должно было немедленно привести к тяжелым последствиям. Кроме того, существует очевидное хронологическое несоответствие между временем распада Уари (не позже 900 г. н.э.) и похолоданием

и засухой, которые начались не ранее XI в. [Kellett 2010: 232–233; Ortloff, Moseley 2009: 279–280].

После распада Уари и Тиауанако политическая организация в горных районах Боливии и Перу вернулась на уровень автономных общин и простых вожеств, неудобные для обороны земли были заброшены, формы керамики изменились, а фигуративное изобразительное искусство почти исчезло. Затем, особенно с XIII в., во всех горных районах Центральных Анд население стало снова расти, а вожди приобретали все большую власть. В центральном Перу, где в XIV–XV вв. располагались вожества народа уанка (карта 16 на рис. 79), прослеживается трехуровневая иерархия поселений. Крупнейшие из них занимали площадь более 1 кв. км, число обитателей в таких крупных центрах составляло несколько тысяч человек [Matos Mendieta 1959: 98; Parsons, Hastings 1988: 202–203]. Вместе с тем формы культуры, возникшие после распада Уари, почти повсеместно сохранялись и далее вплоть до эпохи инков и отчасти до испанской конкисты. Для поселений характерны расположение на гребнях гор, хаотическая планировка, маленькие круглоплановые жилища (рис. 46) [Bonavía 1968a; 1972; González Carré 1992; Lavallée, Julien 1983; Lumbreras 1959; Valdez, Vivanco 1994].

Возвышение Уари и Тиауанако опиралось на прогресс земледелия — устройство грядковых полей близ Титикаки и строительство длинных каналов в долине Аякучо. Не исключено даже, что одной из причин стремления Уари контролировать соседние долины стала необходимость обеспечить кукурузой растущее население [Slovak 2007: 18]. В то же время экспансия Уари и Тиауанако была ознаменована созданием религиозной системы, отраженной в специфической иконографии. Возникновение нового художественного стиля можно рассматривать в свете теорий «кризисных культов» или «движений обновления», когда потребность в новой идеологии заставляет использовать для ее создания любые, в том числе инокультурные, элементы [La Varre 1971; Wallace 1956]. В данном случае основными источниками нового стиля были традиции пукары, наски и, вероятно, уамачуко.

Ситуация в Аякучо в период формирования культуры уари напоминает описанную для долины Моче в период смены культуры гальинасо культурой мочика. В обоих случаях в более ранних обществах фигуративное изобразительное искусство отсутствовало, а затем было создано путем заимствования из разных источников.

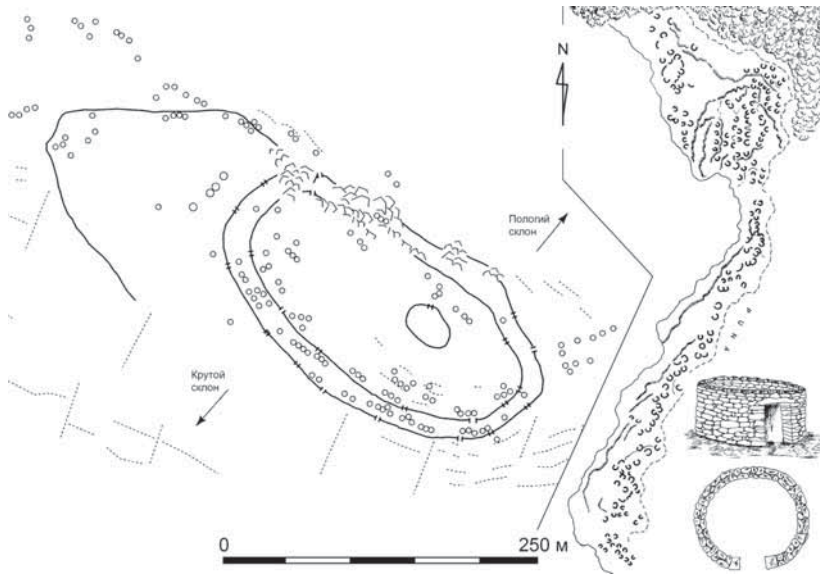

Рис. 46. Типичные для времени между распадом Уари и Тиауанако и экспансией Инков горные поселения-убежища. Слева: на Боливийском плоскогорье, бывшей территории Тиауанако, по [Arkush 2008, fig. 4]. Справа: в районе Аякучо, бывшей территории Уари, по [Bonavía 1972, fig. 30]. Маленькие круглоплосовые жилища нанесены схематично, поэтому на одном плане входы изображены, а на другом — нет. Справа внизу: план и реконструкция стен жилища, типичного для района Аякучо, по [González Carré 1992, fig. 8]

Темой изображений являлись мифологические персонажи и ритуалы с их участием. При этом идеология, положенная в основу искусства уари и тиауанако, оказалась, по-видимому, более универсальной, чем характерная для государства Мочика. В государствах Касма и Сикан (Ламбайеке), возникших на севере побережья Перу в конце I тыс. н.э., есть элементы иконографии как мочика, так и уари, но последних больше (рис. 47) [Bernal Rodríguez 2006; Carrion Cachot 1959; Lavalle 1989; Vogel 2011]. Выше говорилось, что в эпоху уари в Центральных Андах стала распространяться практика оставления умерших в открытых гробницах с целью поддержания с ними ритуального общения. Умерших помещали в сидячем положении завернутыми в ткани. На Северном и Центральном побережье Перу

Рис. 47. Парные фигуры женского (слева) и мужского божеств, изображенные на внутренней и внешней поверхности полихромной керамической урны культуры уари из Пачеко в долине Наска, по [Isbell 2008, fig. 37.5], и на сосуде культуры касма, юг Северного побережья Перу, VIII–X вв. н.э., по [Carrión Cachot 1959, fig. 67]. Образ божества анфас с жезлами в руках типичен как для культур побережья III–I тыс. до н.э. (см. рис. 4), так и для уари и тиауанако [Makowski 2001], но не для культуры мочика. Мотив хищников по бокам божества характерен для касмы и рекуай (ср. рис. 29.9), а также для культур северо-западной Аргентины

подобный обряд погребения сменяет характерные для гальинасо, мочкики и лимы захоронения в вытянутом положении на спине. Очень похоже, что использование культа конкретных родовых пред-

ков оказалось эффективным средством для легитимизации власти правителей. Согласно более архаическим представлениям, характерным по крайней мере для севера побережья Перу (и для этнографически известных индейских культур к востоку от Анд), предки, видимо, выступали как неопределенно большая совокупность мифических существ (первопредков). Общение с ними во время ритуалов должно было поддерживать благополучие коллектива и плодородие, но не имело прямого отношения к укреплению чьих-то властных позиций.

История поздних политических образований перуанского побережья находится за рамками нашего обзора. Крупнейшее из них, Чимор, относится уже к государствам второго поколения, имевшим развитую систему институтов управления. Что касается инков, то их предки в долине Куско ранее 1000 н.э. находились лишь в начале пути к государственности. Долина Куско вместе со «священной долиной», т.е. с отрезком расположенной рядом долины Урубамбы (Вильканоты), находилась поблизости от северо-восточной окраины государства Уари, к которому нам придется теперь еще раз вернуться.

В VII в. н.э. в 30 км к востоку от Куско, в долине Лукре, люди уари построили монументальный административный центр Пикильякта (рис. 48). Это один из самых грандиозных и необычных архитектурных комплексов не только Центральных Анд, но и всего Древнего мира [Arriola Tuni, Tesar 2011; Jennings 2008a; 2008b; McEvan 2005]. Упомянутый комплекс Виракочапампа в целом похож на него, но он все же был несколько меньше размером и остался недостроенным. К моменту оставления Пикильякты ее строительство также еще продолжалось, но в основном работы были завершены.

Общая площадь памятника составляет около 2 кв. км, и хотя более половины приходится на обнесенные стенами пустые участки, центральная плотно застроенная часть также поражает размерами (рис. 49). Как и в самом Уари [Isbell 2008: 746], стены зданий в Пикильякте были возведены из необработанного камня и оштукатурены. Местами они сохранились на несколько метров в высоту, но штукатурка давно обвалилась, поэтому фотографии памятника редко попадают в альбомы по архитектуре Древней Америки. Обитатели комплекса покинули его, унеся с собой практически все, после чего строения уничтожил огонь. Все это затрудняет задачу

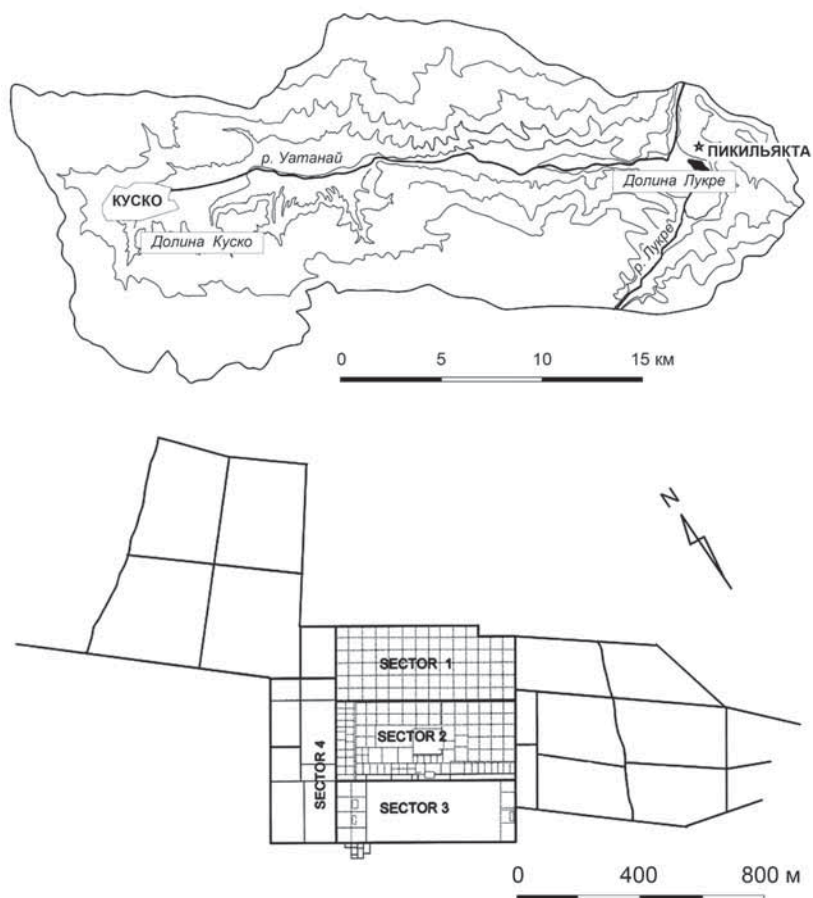

Рис. 48.

Вверху: расположение долин Куско и Лукре.

Внизу: планировочная схема комплексов Пикильякты, по [McEwan 2005, fig. 2.1, 2.4]

реконструкции облика и функций зданий. Опираясь на данные раскопок и аналогии с другими не столь масштабными комплексами Уари, можно предполагать, что Пикильякта являлась резиденцией элиты, местом хранения различных продуктов и местом устройства праздников и пиров, необходимых для сохранения дружественных

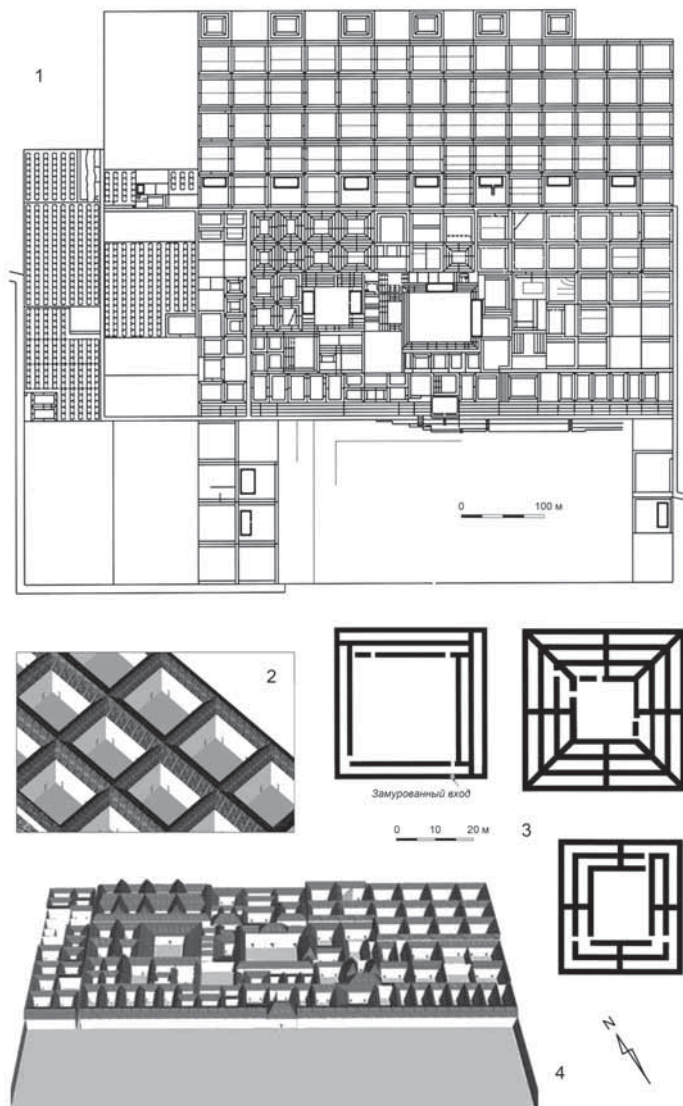

Рис. 49. Пикильякта, по [McEwan 2005, fig. 2.7, 3.3, 3.4, 4.1, 4.6].

- 1) План секторов 1–4 (см. рис. 48).
- 2, 3) Реконструкция двориков в секторе 1.
- 4) Реконструкция фасада комплекса

отношений с окружающим населением. Однако не ясно, поддерживали ли центры типа Пикильякты регулярную связь со столицей и тем более друг с другом или же в основном действовали автономно [Jennings 2006].

На полах Пикильякты культурных остатков нет, но предметы уари, относящиеся ко времени функционирования памятника, найдены в составе трех кладов. Два обнаружены еще в 1927 г., третий, самый большой и разнообразный по составу изделий, — в 2004 г. [Arriola Tuni, Tesar 2011; Valcárcel 1933]. В кладах находились обломки эквадорских раковин *Spondilus*, а также фигурки из раковин, азурита, бирюзы и металла — видимо, из сплава меди, золота и серебра (рис. 50). Найден также бронзовый стержень длиной около 40 см.

Рис. 50. Фигурки в виде воинов и ягуаров-воинов из клада, найденного в Пикильякте в 2004 г., по [Arriola Tuni, Tesar 2011, fig. 16, 18–20]. Оружие воинов — палица, дротики, праща, прямоугольный щит. Самая маленькая фигурка изображает ягуара, держащего в одной лапе бич, а в другой — голову-трофей

Где-то к юго-востоку от Куско, т.е. достаточно близко от Пикильякты, грабителями были раскопаны богатые погребения, в которых оказались медные украшения общим весом 5,5 кг, часть из них — покрытые серебром, а также несколько мелких золотых изделий [Chávez 1985]. Предполагается, что клады Пикильякты не связаны с почитанием предков — скорее с ритуалами по случаю военных побед [Arriola Tuni, Tesar 2011: 33].

Пикильякта была покинута примерно тогда же, когда и Уари, — около 900 н.э. [Covey 2009: 84; McEvan 2005: 123]. После этого в долине Лукре произошла дезинтеграция надобщинных институтов и даже большинство деревень опустело.

Долина Куско находилась вне прямого контроля Пикильякты. На момент распада Уари местная политическая организация, вероятно, находилась на уровне общин и мелких вожеств. Размерами долина Куско уступает многим долинам и межгорным котловинам центральноандского региона, которые в разное время становились центрами роста политической сложности (рис. 51). Ту исключительную роль, которую Куско сыграл в истории, можно объяснить скорее

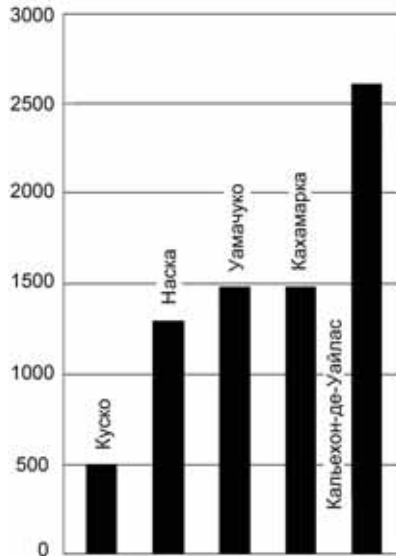

Рис. 51. Сравнительные размеры некоторых перуанских долин в кв. км, по [Jennings, Craig 2001, fig. 5]

исторической случайностью, нежели следствием каких-то особо благоприятных природно-хозяйственных обстоятельств. Долина Куско не испытала культурно-экономического коллапса, имевшего место на большинстве территорий, входивших в область влияния Уари, а в дальнейшем долгое время должна была соперничать не с сильными конкурентами, а с небольшими окружающими долинами, которые правители Куско подчиняли одну за другой. После 1000 н.э. население долины Куско стало расти, система поселений усложняться, и к концу XIII в. по мере интеграции ближайших соседей государство Инков, судя по материалам археологии, сформировалось [Bauer 1992; Bauer, Covey 2002; Covey 2003; 2009; Kosiba 2010].

Этот процесс хорошо заметен при сравнении данных о количестве поселений разного размера в той части долины Вильканоты, которая прилегает с северо-востока к району Куско (рис. 52). Ранее 1000 н.э. здесь существовали только хутора и небольшие деревни. Постепенно система поселений стала четырехуровневой — Куско как столица государства, местный административный центр Пукара Пантильихля, большие деревни, маленькие деревни и хутора. В конце первой трети XV в. правители Куско начали завоевания за пределами верхней Урубамбы и создали собственный стиль в архитектуре и изобразительном искусстве.

В своих генеалогических легендах Инки настаивали на происхождении из Тиауанако, и в Тиауанако же находят параллели инкская практика строительства из тщательно обработанных ка-

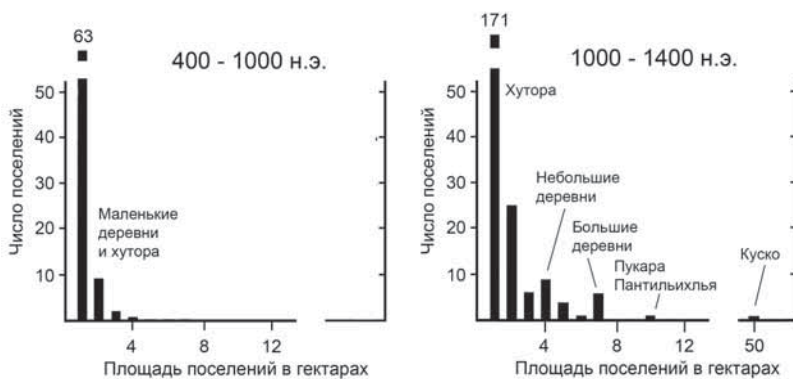

Рис. 52. Соотношение числа поселений разной площади в долине Вильканоты до и после 1000 н.э., по [Covey 2003, fig. 4]

менных монолитов. Памяти об Уари инки не сохранили, хотя традиция возведения длинных прямоугольных зданий с нишами в стенах, которая, как уже говорилось, в конечном счете восходит к культуре уамачуко, к инкам могла попасть именно через посредство уари. Однако в большей мере, как уже отмечалось, архитектурные традиции уари были продолжены не инками, а создателями государства Чимор со столицей в Чан-Чане [McEvan 1990]. Не исключено, что в XV в. к наследию уари могли обращаться жившие в Андауайлас враждебные инкам чанка либо сора, чья территория в Аякучо находилась рядом с развалинами Уари. Однако историко-мифологические традиции чанка и сора до нас не дошли, а собственной монументальной архитектуры эти этнические группы не создали.

Так или иначе, но у процесса становления государственности в Куско вполне мог иметься аттрактор — представление об огромной полиэтнической политике как о норме, уже реализованной в прошлом. В этом смысле государство Инков первичным образованием своего класса назвать нельзя.

Наряду с Куско в Центральных Андах был еще один район, который долгое время находился на периферии этой исторической области и подвергался лишь слабому влиянию цивилизаций I тыс. н.э., а после гибели Уари превратился в самостоятельный центр политогенеза со своеобразной культурой. Речь идет о горной местности в междуречье Уальяги и Мараньон, где в эпоху конкисты жили индейцы чачапоя. На лесистых и переувлажненных восточных склонах гор остатки поселений чачапоя обнаружены на высоте 2000–2900 м, а на водоразделе — на высоте более 3 км [Bonavía 1968b: 154; Church, Hagen 2008: 913]. Расположение поселений на гребнях гор, круглоплановые постройки и террасы на склонах сближают местную культуру доинкского времени с характерной для высокогорья центрального Перу (см. рис. 53). Наиболее известны комплексы Абисео (он же Гран-Пахатен) с круглоплановыми зданиями, украшенными рельефами из выступающих из кладки камней (рис. 53) [Bonavía 1969], и Куэлап, окруженный стеной, сохранившейся на высоту 20 м [Church, Hagen 2008: 915–916]. Число жилищ в Куэлап достигает 420, и, следовательно, здесь вряд ли могло жить менее 2 тыс. чел. Рядовые поселения состоят из примерно 30 домов [Hagen 2002: 139]. Сложные общества возникли у чачапоя не позже конца I тыс. н.э., а в конце XV — начале XVI в. чачапоя оказали серьезное сопротивление Инкам [Hagen 2002]. Наряду с инкской

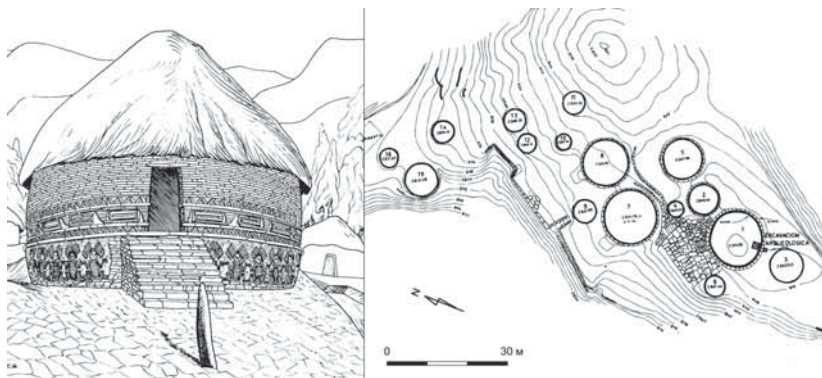

Рис. 53. Реконструкция одного из зданий и часть плана главного комплекса из Абисео, департамент Сан-Мартин, провинция Марискаль-Касерес, вероятная датировка — XIV–XV вв. н.э., по [Bonavía 1969: 935, 937]

керамикой на территории чачапоа найдены сосуды культуры чиму и украшения из эквадорских раковин *Spondylus*; в местном фигуративном искусстве заметны мотивы, восходящие к традициям мочика и рекуай [Church, Hagen 2008, fig. 45.9, 10; Hagen 2002, fig. 5.6].

В еще более северном, но находящемся несколько ближе к побережью районе горного Перу во второй четверти I тыс. до н.э. возникла культура, для которой характерны многоэтажные погребальные башни, расположенные на высоте 2500 м (карта 12 на рис. 78). О поселениях данных нет, время появления определяется иконографическими параллелями с культурой мочика и отчасти рекуай и викус. Описавший эти комплексы У. Исбель назвал их чота-кутерво [Isbell 1997: 218–281]. Размеры башен предполагают участие в работах большого числа людей, хотя конкретные цифры назвать невозможно. Рельефы на внешних стенах изображают мифологических существ, ягуаров, стервятников. Композиция, на которой стервятники клюют мертвое тело, имеет очевидные параллели с изображениями мочика и наска (рис. 54.4, ср. рис. 40). Самая поздняя, найденная в башнях керамика относится к эпохе уари [Isbell 1997: 270]. Изображения на тканях и калебасах чачапоа из Лагуна-де-лос-Кондорес, которые датируются прединкским временем [Church, Hagen 2008, fig. 45.10], похожи на рельефы чота-кутерво, несмотря на разницу в материале. Есть ли между двумя культурами преемственность, неясно, многие памятники данного района наверняка еще не открыты.

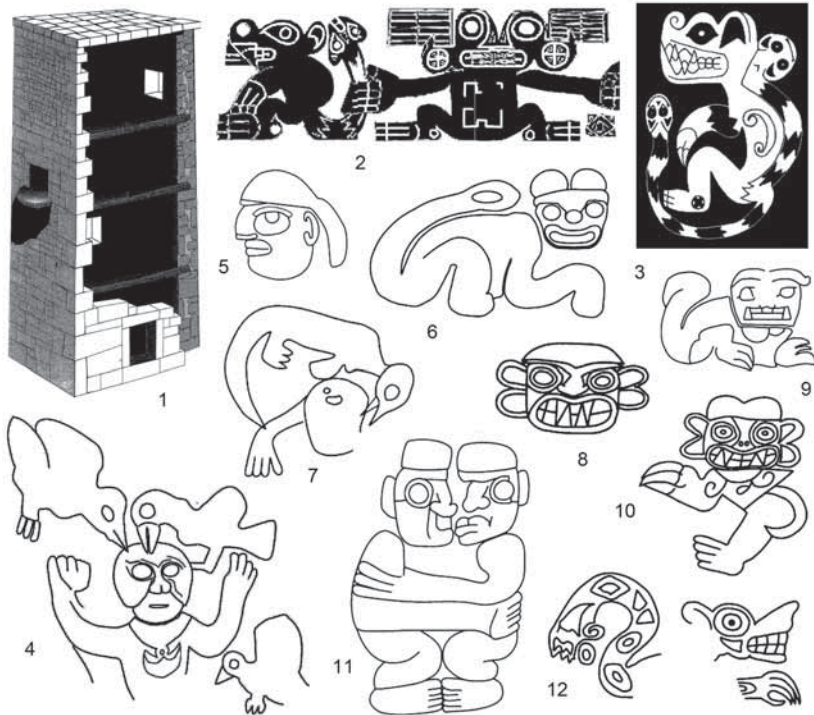

Рис. 54. Культуры чота-кутерво и чачапоя.

- 1) Схема устройства типичной погребальной башни культуры чота-кутерво, по [Isbell 1997, fig. 7.1].
- 2, 3) Прорисовка фрагментов изображений наalebасе и ткани из погребения в Лагуна-де-лос-Кондорес, чачапоя, прединкский период, по [Church, Hagen 2008, fig. 45.10A, D].
- 4–12) Прорисовки рельефов на стенах погребальных башен чота-кутерво, вероятно, вторая четверть I тыс. н.э., по [Isbell 1997, fig. 7.2, 7.6, 7.8, 7.11, 7.13]

Техника создания изображений на внешних стенах монументальных построек с помощью выступающих камней отличает чачапоя не только от чота-кутерво, но и от всех остальных центральноандских культур. Однако круглопланные постройки того же масштаба, что в Абисео, обнаружены еще и в Тиньяш [Falcón, Díaz 2008; Thompson, Ravines 1973]. Памятник находится в междуречье Уальяги и Мараньон, в зоне пуны (горной тундро-степи) на высоте

4120 м над уровнем моря (карта 15 на рис. 79). Наряду с башнеобразными круглоплановыми здесь есть и прямоугольные здания, похожие на образцы инкской архитектуры. Как и в чота-кутерво, в Тиньяш найдены рельефные изображения на каменных плитах, но их стиль не обнаруживает параллелей с древними культурами побережья и довольно схематичен (рис. 55; карта 15 на рис. 79). Тиньяш относится к прединкскому времени и мог быть основан на рубеже I—II тыс. н.э. Нельзя исключать, что в высокогорных районах Анд к востоку от Мараньон будут обнаружены еще какие-то центры того же времени.

Рис. 55. Тиньяш, 1000–1450 н.э.

Слева: круглое здание с фризом из белого камня, по [Thompson, Ravines 1973: 35].

Справа: рельефы на каменных плитах, по [Falcón, Díaz 2008, fig. 5, 9]